

Зураб Соткилава: я должен быть одинок

Мария Бабалова

— В обстановке смены власти под чьим творческим руководством вы сейчас находитесь в Большом театре?

— Под своим. Потому что я несу ответственность за свое искусство при любых обстоятельствах перед людьми, которые относятся ко мне с уважением и любовью, и не хочу их разочаровывать. Я привык заниматься самостоятельно. Но, конечно, желаю работать с людьми, способными предложить труппе, а следовательно, и публике что-то лучшее. Мне бы хотелось, чтобы человек, возглавляющий театр, мог ему отдавать гораздо больше душевных сил и времени. Опера — коллективное искусство, и при всём моём умении полагаться на себя всё равно очень многое зависит и от дирижёра, и от партнёров: чем лучше мои партнёры, тем лучше я и сам пою. Однако зачастую поющие рядом солисты обладают голосами, совершенно не подходящими для ансамбля, а некоторые попросту не знают своих

«Бал-маскарад». От меня эта роль требует очень больших затрат. В начале партии по характеру лирико-колоратурная, необходимы лёгкость и виртуозность голоса в такой степени, что если дирижёр не сможет найти баланса между солистами и оркестром, все происходящее на сцене покажется вульгарной опереткой. К финалу же партия приобретает глубоко драматическое звучание и в музыке, и по драматургии образа.

— А есть партии, которые вы отвергли для себя однозначно?

— Само время заставляет отказываться от ролей. Раньше, к примеру, я очень много пел «Богему», «Люцию ди Ламмермур». Но с возрастом мне уже не хочется играть молодых героев. Я считаю, что важно обладание не только «молодым» звуком, но и внешним соответствием образу. Именно поэтому мне не кажутся моими фразные роли. Хотя такая партия, как Альфред из «Травиаты», прекрасно ложится на мой голос. Я совсем не считаю себя вагнеровским певцом, прежде всего по вокалу. Для опер Вагнера характерна совсем другая, не

хорошее и правильное в понимании жизни, музыки, искусства в целом, это от него. Он был умнейшим человеком, дававшим мудрые ответы на множество моих вопросов.

— Только что на российском телевидении вы начали работу над своей новой авторской программой, посвящённой опере. На какие вопросы меломанов она послужит ответом? Не суждено ли ей стать продолжением вашей передачи «Оперный клуб», выходявшей на «Останкино» несколько лет назад?

— То, что я раньше делал на телевидении, имело огромный зрительский отклик: письма приходили мешками. Их читала вся моя семья. Некоторые послания были просто шедеврами — такой глубины понимания и знания я не встречал даже у музыковедов. И вот по предложению российского телевидения я буду делать новую авторскую программу. Дирекция телеканала хотела, чтобы программа была еженедельной, но на это ещё нет средств, так как мы не успели найти достойного спонсора и мецената. Поэтому пока программа будет выхо-

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

партий. Но ты вынужден со всем этим мириться, потому что ты в штате театра.

— Как получается, что на сцену первого театра России, о чём очень любят напоминать его руководящие персоны, выходят непрофессиональные люди с недоученными партиями и плохими голосами?

— Театр — очень сложный организм. Чаще всего такие проколы связаны с экстремальными вводами — без них пришлось бы заменять спектакль, а это уж позорно. Но проблема в целом характерна не только для Большого, но и для других оперных сцен мира. Мне недавно довелось услышать такие «пестрые» спектакли в Париже, Вене и даже в «Ла Скала», что будь на то моя власть, этих постановок зритель не увидел бы никогда. Но тут же хочу оговориться: любые объективные обстоятельства ни в коем случае не снимают ответственности с тех, кто ставит на подстраховку абсолютно неподготовленных исполнителей. Такие вещи не должны иметь места в оперном театре.

— У вас нет обиды на Большой театр за то, что он так и не возобновляет вердиевского «Отелло», не ставит «на вас» «Любовный напиток» Доницетти, а вынуждает лишь повторять одни и те же партии в очень старых постановках?

— Были времена, когда я пел двенадцать названий в сезон. Сегодня же их число уменьшилось в три раза. Ужасно надоело повторять одно и то же, вдохновение уходит. Нужно хотя бы немного отдыхать от уже спетых партий, чтобы иметь возможность возвращаться к ним с новыми силами и эмоциями. Только тогда можно открыть что-то неизведанное в «старых» ролях: с годами не только изменяется голос, но и мудреет душа. Однако глобальной обиды у меня нет. Даже когда уйду из театра, наверное, скажу: я был счастлив в этих стенах, потому что встретился здесь с многими высокочлассными профессионалами своего дела.

Мелкие же досады, естественно, накопились за время работы. В основном они касаются именно постановки спектаклей, и прежде всего «Отелло». Однако справедливости ради надо заметить, что в его исчезновении из репертуара есть доля и моей вины. Потому что когда меня стали приглашать в другие театры мира на «Аиду», «Трубадура», «Бал-маскарад», после них оказалось очень трудно возвращаться к «Отелло», который явно «тяжелел» мне голос. Решив, что партия страстного Мавра мне будет вредить, уменьшая в целом мои репертуарные возможности, я от неё отказался. А сейчас, будь моя воля, я с превеликим удовольствием пригласил бы Евгения Светланова, чтобы его спектакль снова появился на подмостках Большого. Это была великая постановка.

— Какая из исполняемых партий наиболее сложна для вас?

— Думаю, Ричард из оперы

свойственная мне техника подачи звука, которую я не хочу формировать у себя искусственно.

— Где вы талантливей — в репетиционном зале или на сцене?

— Я, как чернорабочий, люблю репетировать. Всегда говорю: я бездарен, мне нужно очень много трудиться, чтобы на сцене что-то сделать хорошо. Поэтому я много репетирую и порой отказываюсь от каких-то выступлений в пользу черновой работы, чтобы найти что-то новое в прочтении произведений. Так что, выходит, я талантливей в репетиционном зале.

— Вам часто в жизни приходится делать то, что не по душе?

— Я никогда не делал ничего подобного. И вряд ли найдётся человек, способный заставить меня делать то, чего мне не хочется.

— Ну а что вы всё-таки не любите в своей профессии?

— Строгий режим. Если его нарушишь, голос наверняка тебе не ответит. Выходя на сцену после хотя бы незначительной поправки, всегда проклиная себя и задаешь вопрос: «Зачем же я это натворил ради минутного удовольствия?» Поэтому, не любя одиночества, я должен быть одиноким, особенно перед выходом на сцену. Певец не пианист, он не может по много часов в день репетировать голосом, как музыкант на инструменте. Следовательно, для того чтобы на сцене всё прозвучало так, как было задумано, необходимо мысленно «пропеть» партию не один раз — а это возможно только при высочайшей внутренней концентрации. Люди же, не знающие меня близко, полагают, что я много времени посвящаю шумным дружеским компаниям. На самом деле это далеко от истины. Если бы я проводил время на кортах, в банях и застольях, давно остался бы без голоса.

— Что может создать вам творческое настроение?

— Музыка. Только она может подарить прекрасный звук.

— Что значит для вас быть на сцене?

— Это самое лучшее и сильное ощущение моей жизни, самая большая радость. Награда за труд, молчание и одиночество — за все жертвы, что я приношу только ради того, чтобы быть на сцене, без которой не умею жить. И хотя коварная память не сохраняет триумфов, а коллекционирует лишь провалы и острое чувство пустоты после них, магнит сцены всё равно притягивает к себе и заставляет работать за десятилетия.

— Как вы относитесь к критике в печати?

— На мой взгляд, в России критики не существует. У людей, пишущих сегодня о музыкальном театре, есть только одно желание — всё ругать. А настоящий критик должен не только указывать на ошибки, но и уметь объяснить, как их следует исправить.

— В вашей жизни есть человек, которому вы во всём доверяете?

— Таким человеком был для меня композитор Отар Тактакишвили. И если во мне есть что-то

дуть в эфир два раза в месяц, где-то с конца октября — начала ноября, в получасовом варианте. Я хочу, чтобы передача была интересна и профессионалам и любителям оперного жанра. Не стану сейчас раскрывать её драматургические секреты, скажу лишь, что гостями будут прекрасные певцы — как звезды, так и не известные еще широкой публике исполнители, а также выдающиеся художники, дирижеры, режиссеры оперного театра и даже импресарио вокалистов.

— Какими контрактными обязательствами вы связаны на сегодняшний день?

— В начале сентября в Петербурге фирма Sony организовала презентацию моего первого в жизни компакт-диска. Несмотря на то, что я более двадцати лет пою на мировых оперных сценах, выяснилось, что я не считался певцом высокого уровня из-за того, что не имел записей ведущих фирм мира. Я никогда не предполагал, что студийный труд изнуряет до полного изнеможения. Вся работа над записями велась на одной из московских студий, оборудованной по самым современным стандартам, силами наших специалистов, которых возглавил звуко-режиссер Виноградов. Его работой я очень доволен и благодарен ему, хотя в процессе записи мы много спорили, а раз даже чуть не подрались. Кроме уже выпущенного диска с романсами Чайковского и Рахманинова мною сделаны ещё три — русские народные песни и старинные романсы в сопровождении оркестра под управлением Некрасова; арии из опер итальянских композиторов; «Отелло». Больше всего мне хочется, чтобы скорее издали диск именно с «Отелло». Но получилось так, что на полках Sony одновременно оказались две записи этой оперы — моя и Доминго. Фирма должна решить, какую из версий она выпустит на рынок. И если выбор окажется не в мою пользу, другая фирма уже изъявила желание купить эту запись.

— Кто из импресарио работает сейчас с вами?

— Немецкий импресарио господин Райнер. Он контролирует выполнение всех контрактов и ведёт в целом мои дела. Я очень доволен им, потому что огромный объём работы был проделан всего лишь за год. Сейчас Sony приглашает меня принять участие в записях «Трубадура», «Иоланты», «Каменного гостя» и «Сельской чести». В этом же сезоне мне предстоит мировое концертное турне по лучшим залам планеты под покровительством Sony. Я иногда задумываюсь: «Смогу ли всё это выдержать?» Всё-таки надеюсь, что смогу, потому что очень люблю свою работу. И только в глубине души немного сожалею о том, что всё это не случилось в моей жизни хотя бы лет десять назад.